

Внутренние источники вооруженного конфликта на Донбассе

ПОНАРС Евразия
Аналитическая записка № 351
Сентябрь 2014

Сергей Куделя
Бэйлорский университет

В западных политических кругах и ведущих западных СМИ широко распространено представление о том, что вооруженный конфликт на Донбассе стал результатом скрытой российской военной агрессии против Украины, и что противостоящие украинскому правительству силы не пользуются широкой поддержкой среди местного населения региона. Постоянный представитель США в ООН Саманта Пауэр 13 апреля провела параллель между событиями на Донбассе и российской интервенцией в Крыму. Она, в частности, заявила, что «нет никаких признаков широкой поддержки [повстанческого движения] среди местного населения».¹ В совместной статье, опубликованной в конце апреля, три бывших американских посла в Украине обвинили Кремль в «организации и управлении повстанческим движением на востоке Украины». Они также высказали мнение о том, что повстанцы сложили бы оружие, если бы получили соответствующий приказ из Кремля.² С тех пор западные СМИ в своих репортажах и аналитике уделяют все большее внимание доказательствам связей между Россией и повстанческим движением. Говоря о роли России в конфликте, не следует, однако, забывать, что вооруженное сепаратистское движение возникло в качестве прямого ответа на силовую смену режима, произошедшую в Киеве. На первых порах участниками этого движения были в основном местные жители, и как минимум четверть или даже треть населения Донбасса его поддерживало.³

В данной аналитической записке повстанческое движение на Донбассе рассматривается как феномен преимущественно внутриукраинского происхождения. В ней утверждается, что ключевую роль в зарождении вооруженного сепаратистского движения на Донбассе

¹ <http://abcnews.go.com/ThisWeek/week-transcript-ambassador-samantha-power/story?id=23293462&page=2>

² Steven Pifer, John Herbst, William Taylor, “Does Putin Want War?” *The American Interest*, April 24, 2014

³ В ходе опроса, проведенного КМИС с 26 июня по 2 июля 2014 года, 34,8% респондентов в Донецкой области заявили, что доверяют руководству ДНР, а 26,2% респондентов в Луганской области заявили, что доверяют руководству ЛНР. Сергей Пашинский, заместитель главы администрации и.о. президента Украины, назвал повстанческое движение состоящим преимущественно из местного населения: <http://reporter.vesti.ua/61677-vy-ne-predstavljaete-kak-tjazhelo-bylo-zastavit-armiju-voevat>

сыграли политические факторы - *фрагментация государства, насильственная смена режима и потеря контроля над инструментами принуждения* – в сочетании со специфичным для данного региона эмоциональным настроением – а именно, чувством *возмущения и страха* – среди местного населения.

Структурные возможности

На структурном уровне перед зарождением повстанческого движения в Украине явно наличествовали две переменные, которые ассоциируются с высокой вероятностью гражданской войны: политическая нестабильность в столице и ослабление государственного потенциала. Как отмечали исследователи Джеймс ФИРОН и Дэйвид Лэйтин, наличие хрупкого гибридного режима в сочетании с непостоянством среди политических группировок либо внутри правящей коалиции значительно увеличивает вероятность начала войны «из-за слабости правоохранителей на местах и непрофессионализма либо коррумпированности структур, призванных бороться с вооруженным сопротивлением».⁴ Смене украинского режима в конце февраля 2014 г. предшествовала постепенная потеря центральной властью контроля над почти половиной территории государства по мере захвата протестующими зданий областных госадминистраций. Нарастало также применение насилия как органами правопорядка, так и протестующими, особенно после 19 января. Беспорядки быстро распространились из Киева в другие регионы Украины. Первые столкновения между сторонниками и противниками Евромайдана на Донбассе произошли на центральной площади Донецка 21 января. Эти столкновения стали еще более ожесточенными после изгнания Виктора Януковича. В ходе них 13 марта в Донецке впервые был убит один из участников демонстраций, который оказался членом националистической партии Свобода.

Вероятность начала войны на Донбассе значительно увеличили три политических переменных:

1) *Фрагментация государства*. Региональные самоуправляющиеся анклавные территории возникли на западе и в центре Украины в конце января 2014 года, не подчинялись приказам из Киева. Это создало ощущение фрагментации государства и еще более ускорило наступление финальной фазы Евромайдана. Неспособность правительства остановить силовые захваты административных зданий и восстановить контроль над половиной территории страны указывали на начало фактического распада государства. Сохранение правительством контроля над востоком и югом Украины стало возможным в основном благодаря политическому доминированию Партии Регионов (ПР) и ограниченной поддержке Евромайдана в этих областях. Как только режим рухнул и бывшие лидеры оппозиции захватили власть, ПР начала разваливаться, а на востоке страны распространились мощные центробежные силы. Это сопровождалось копированием сепаратистами тактики сопротивления, которую ранее применяли активисты Евромайдана.

⁴ James Fearon and David Laitin, "Ethnicity, Insurgency, and Civil War," *American Political Science Review* 97, 1 (February 2003).

2) *Низкая легитимность центральной власти.* Очень многие жители юго-восточных регионов Украины считали новых лидеров государства, пришедших к власти после Евромайдана, нелегитимным. Однако среди населения Донбасса такие настроения были особенно сильными. В начале апреля приблизительно половина опрошенных в Донецкой и Луганской областях респондентов были уверены в нелегитимности исполняющего обязанности президента и нового правительства. В остальных юго-восточных областях Украины такое мнение высказывало до одной трети опрошенных.⁵ Такое резкое неприятие новых властей было, вероятно, связано с негативным мнением о Евромайдане, которого придерживалось подавляющее большинство населения Донбасса. Около 70% респондентов в Донецкой области и 61% в Луганской считали евромайдановские протесты вооруженным путчем, который спонсировал Запад.⁶ Средняя цифра по другим юго-восточным областям Украины была почти в два раза ниже (37%). Новые губернаторы Донецкой и Луганской областей, назначенные Киевом, обладали сомнительной легитимностью – но и Партия Регионов, которая контролировала большинство голосов в местных советах, тоже потеряла свой авторитет. Лишь 4% респондентов в обеих областях желали видеть представителей ПР в новом правительстве. В результате возник вакуум власти, которым воспользовались политические маргиналы. Именно они заявили свои претензии на народный мандат и возглавили борьбу как против Киева, так и против старых местных элит.

3) *Потеря средств принуждения.* Способность новой власти использовать средства принуждения на Донбассе с самого начала оказалась крайне ограниченной. Частично это объяснялось тем, что среди местных правоохранителей преобладали верные сторонники Януковича, однако важным фактором стало также ощущение неуважения к органам правопорядка со стороны бывших лидеров оппозиции. В ходе самых первых антикиевских демонстраций начальники милиции в разных городах Донбасса пообещали быть «на стороне народа». Членов спецподразделения милиции Беркут, вернувшихся с Майдана, встречали как героев и давали им слово во время демонстраций. Хотя в марте Службе безопасности Украины (СБУ) удалось арестовать нескольких лидеров сепаратистов в Донецке и Луганске, эти аресты не остановили волну протестов. Когда протестующие начали захватывать здания госадминистраций по всему региону, милиция либо бежала, либо становилась на сторону протестующих. Одним из таких перебежчиков стал Александр Ходаковский, который ранее возглавлял подразделение специального назначения СБУ в Донецке. Сейчас он является командиром батальона Восток, сражающегося на стороне повстанцев. Кроме того, мирный вывод украинских войск из Крыма после его аннексии РФ стал сигналом того, что украинская власть не готова воевать за сохранение целостности государства. Провал в использовании средств принуждения стал еще более очевиден, когда в середине апреля, в ходе начатой правительством «антитеррористической операции», на Донбассе впервые появились украинская бронетехника. Сообщалось о нескольких случаях, когда украинские БТРы окружили и заблокировали враждебно настроенные местные жители. В результате украинские солдаты оставили технику и отошли назад на свои базы. В ходе этого первого соприкосновения между правительственными войсками и вновь организованными силами повстанцев

⁵ Опрос КМИС, 8-16 апреля 2014 г.: http://zn.ua/UKRAINE/mneniya-i-vzglyady-zhiteley-yugo-vostoka-ukrainy-aprel-2014-143598_.html

⁶ Там же.

оказалось, что поддержка местного населения может сместить баланс сил в пользу последних, несмотря на сохранявшееся на тот момент преимущество Киева в численности солдат и вооружении.

Групповые эмоции

Структурные теории выделяют переменные, которые создают возможности для возникновения вооруженного сопротивления. Однако они ничего не говорят о конкретных механизмах, которые заставляют людей брать в руки оружие. К отмечает политолог Роджер Питерсен, «структурные перемены производят информацию, которая перерабатывается в убеждения, которые, в свою очередь, создают эмоции и тенденции к определенным действиям». ⁷ Питерсен выделяет три ключевых эмоции – страх, возмущение и ненависть – которые помогают объяснить природу возникновения этнических конфликтов. Для ненависти требуется предыстория конфликта и застарелая вражда между этническими группами. В Украине эти два фактора не были выражены. А вот возмущение и страх имеют самое прямое отношение к конфликту на Донбассе.

Возмущение возникает тогда, когда одна из групп считает себя несправедливо поставленной в подчиненное положение, и полагает, что только применение силы позволит ей покончить с политическими ущемлениями. На Донбассе такие эмоции были связаны с самовосприятием региона в качестве промышленной базы, которая «кормит» всю остальную Украину, а также с его преимущественно русскоязычной культурой. Такая идентичность Донбасса уходит корнями в его исторический статус «приграничного края», который традиционно всегда сопротивлялся попыткам доминирования со стороны имперских сил как в Москве, так и в Киеве. ⁸ Такое самовосприятие Донбасса еще более укрепилось за годы независимости Украины, и 69,5% населения Донецка идентифицировало себя прежде всего с Донбассом, а не с Украиной. ⁹ Экономический вес Донбасса по сравнению с другими регионами Украины создавал у его жителей ощущение естественного права на ведущую политическую роль в стране, или по крайней мере на веское слово в украинской политике. Русскоязычное мировоззрение и большая доля этнических русских среди его населения делали Донбасс, наравне с Крымом, особенно восприимчивым к эмоциональным пророссийским апелляциям. ¹⁰ Почти десятилетнее правление на Донбассе Януковича и его Партии Регионов дали жителям региона чувство собственной политической влиятельности и защищенности от дискриминации по культурным либо этническим признакам. Внезапный конец этого правления, сопровождавшийся развалом ПР и уголовным преследованием некоторых ее членов, стал

⁷ Roger Petersen, *Understanding Ethnic Violence: Fear, Hatred, and Resentment in Twentieth-Century Eastern Europe* (Cambridge: Cambridge University Press, 2002), 22.

⁸ Hiroaki Kuromiya, *Freedom and Terror in the Donbas: A Ukrainian-Russian Borderland, 1870s – 1990s* (Cambridge: Cambridge University Press, 1998), 337.

⁹ Ярослав Грицак, «Історія двох міст: Львів і Донецьк у порівняльній перспективі», *Україна модерна*, 2007, 49.

¹⁰ По результатам переписи населения 2001 года приблизительно 38% населения Донбасса назвали себя этническими русскими. По результатам опроса в июле 2012 года 82% назвали СВОИМ родным языком русский, а 23% заявили, что им сложно разобраться в документах на украинском языке. Эти показатели были выше, чем в любом другом регионе Украины:

http://ratinggroup.com.ua/upload/files/RG_Movne_pytannia_072012.pdf

также внезапным концом для политически привилегированного статуса региона. Одновременно с этим отмена парламентом закона, дающего русскому языку статус регионального, в сочетании с угрозами отключить русскоязычные СМИ, обозначила новый риск культурной дискриминации. Вдобавок ко всему получало все большее распространение использование оскорбительных терминов в адрес пророссийских активистов. На этом фоне отделение от Украины воспринималось на Донбассе как способ защитить не только собственный статус, но и собственное человеческое достоинство.

Чувство возмущения среди населения Донбасса было также усилено нарастающим чувством страха. *Страх* возникает в ситуации государственного коллапса, когда институты и правила, защищающие определенную группу, перестают функционировать. Возникающее в результате насилие воспринимается в такой ситуации как форма самозащиты. На Донбассе чувство страха стало непосредственной реакцией на растущую роль таких военизированных националистических группировок, как Правый Сектор, которые были на передовом крае столкновений с милицией и захватывали административные здания. В время Второй мировой войны украинских националистов на Донбассе повсеместно считали «фашистами», а жители региона до сих пор относятся к ним с большой антипатией.¹¹ Первые группы «самообороны», призванные защитить Донбасс от «неонацистов», появились еще до изгнания Януковича, а после его побега их число начало расти быстрыми темпами. Страх перед украинскими националистическими группировками часто звучал в высказываниях участников пророссийских протестов по всему Донбассу.¹² Такие эмоции наверняка подстегивались сообщениями о беззакониях на западе Украины, где активисты Правого Сектора преследовали представителей органов власти. В начале апреля 46% респондентов в Донецкой области и 33% в Луганской считали, что главным шагом в поддержанию единства страны должно стать разоружение незаконных радикальных группировок. Вместо этого украинские власти позволили таким группировкам трансформироваться в наполовину государственные, наполовину частные батальоны ополченцев, брошенные на борьбу с сепаратистами на востоке. Среди населения Донбасса это усилило стремление каким-то образом защититься и подтолкнуло местных жителей к поддержке своих собственных ополченцев, или даже к вступлению в их ряды.¹³

Стратегии элит

Теории гражданских конфликтов, вызванных элитами, указывают на решающую роль политических лидеров в следующих сферах: 1) формировании дискурсивной логики конфликта; 2) обеспечении финансовыми и организационными ресурсами;

¹¹ Kurogiya, 279; По результатам опроса в 2004 году 42,7% респондентов в Донецке назвали «украинских националистов» в качестве группы, о которой они придерживаются наиболее негативного мнения, и с которой имеют менее всего общего: *Україна модерна, 2007*: http://uamoderna.com/images/archiv/12_2/1_UM_12_2_Zmist.pdf; Лишь 2,2% респондентов на Донбассе придерживаются положительных взглядов о Степане Бандере, тогда как на остальной территории Украины этот показатель составляет 21,6%, КМИС и Иван Качановский, май 2014 г.

¹² Интервью в *Global Post* с журналистом Данилой Пелешуком, 26 июля 2014 г.

¹³ См. обмен репликами между самопровозглашенным мэром Славянска Вячеславом Пономаревым и местными жителями по поводу угрозы вторжения в город националистов, 13 апреля 2014 г. <https://www.youtube.com/watch?v=DDhEPpsFX7I>

3) координировании первоначальных силовых акций с целью мобилизации новых сторонников. Однако роль лидеров в зарождении сепаратистского повстанческого движения на Донбассе остается далеко не очевидной.

В начале протестов у пророссийских демонстрантов в регионе не было явного лидера или четкой организационной структуры. Оба самопровозглашенных «народных губернатора», Павел Губарев в Донецкой области и Александр Харитонов в Луганской, ранее уже принимали участие в местной политике, но не имели широкой известности на уровне своих областей. К середине марта оба они уже находились под арестом в СБУ, и в дальнейшем не играли роли в трансформации политического протеста в вооруженное сепаратистское движение. Первым лидером этого движения, который обладал военным опытом, стал Валерий Болотов. Он вышел на сцену в начале апреля и заявил о своих претензиях на власть после захвата здания СБУ в Луганске. Однако он не играл значимой роли в демонстрациях, предшествовавших захватам административных зданий, и не способствовал мобилизации общественности, а скорее просто ею воспользовался в своих интересах.

Основные идеи и послы, звучавшие на антикиевских демонстрациях, были старыми и хорошо знакомыми. Янукович и его Партия Регионов начали представлять своих политических оппонентов в образе «фашистов» еще во время президентских выборов 2004-го года. В пиар кампании также использовалась военная символика, в т.ч. георгиевская ленточка, которая стала отличительным знаком повстанцев и была призвана подчеркнуть разницу между антифашистским Донбассом и националистами западной Украины. Что же касается призывов к федерализации и приданию государственного статуса русскому языку, то они не прекращались с 90-х годов. Первый региональный референдум по вопросу федерального устройства Украины был проведен на Донбассе в марте 1994 года. Тогда за федерализацию и придание русскому языку статуса второго государственного высказалось значительное большинство населения Донецкой и Луганской областей. Еще одна попытка провести референдум по таким же вопросам была предпринята во время Оранжевой революции. Соответствующее решение было принято Донецким областным советом, однако позднее совет его отменил. Таким образом, пророссийские демонстрации использовали сценарии, символику и лозунги, которые были в ходу уже как минимум 10 лет.

Относительно малоизвестным символом, который вышел на первый план в ходе протестов, стал черно-сине-красный флаг. Такой флаг использовался во время единственного исторического эксперимента с государственностью Донбасса в 1918 году. Однако он также давно пользовался популярностью в местных пророссийских кругах. Он, в частности, был символом негосударственной организации «Донецкая Республика», которая была создана в 2005 году и позднее запрещена за призывы к сепаратизму. Один из ее основателей, Андрей Пургин, активно участвовал в организации первого Антимайдана в феврале, но ведущей роли в развитии протестного движения не сыграл.

Ни одна из групп, принимавших участие в организации демонстраций (Русский Блок, Донецкое Народное Ополчение, Луганская Гвардия, и т.д.) не обладала достаточно серьезными организационными или финансовыми ресурсами, чтобы финансировать

протестное движение. Не существует также никаких убедительных доказательств того, что это движение финансировалось Януковичем, Ринатом Ахметовым, или другими состоятельными представителями ПР. Более того, призывы сложить оружие и прекратить попытки отделения от Украины, озвученные одними из наиболее авторитетных представителей региона (в т.ч. Ахметовым, Борисом Колесниковым и Александром Лукьянченко), не возымели никакого эффекта.¹⁴ Региональный телеканал Донбасс, который финансировался Ахметовым, представлял повстанческое движение в негативном ключе и выступал за единство Украины. Что еще более важно, практически вся региональная политическая элита, в т.ч. члены областных и городских советов, отказалась поддержать сепаратистское движение, несмотря на попытки протестующих заручиться такой поддержкой. В результате в новые самопровозглашенные советы вошли в основном случайные люди из числа участников демонстраций.

Наконец, волна силовых захватов административных зданий, прокатившаяся по городам Донбасса в апреле, имела спорадический и децентрализованный характер. Самопровозглашенными «народными мэрами» городов региона стали местные политические оппортунисты, которые воспользовались коллапсом государственных структур. Они не были представителями какой-то секретной и координируемой из единого центра организации. Командиры различных военизированных формирований, которые их поддерживали, часто вступали в конфликты за сферы влияния. Кроме того, сепаратисты Донецкой Народной Республики (ДНР) и Луганской Народной Республики (ЛНР) следовали разным наспех принятым стратегиям. ДНР быстро провозгласила независимость еще в начале апреля, в то время как ЛНР решила объявить об отделении от Украины только после референдума. Более централизованная координация вооруженного сопротивления в Донецкой области появилась только в конце мая, когда группа Александра Бородея и батальон Восток жестко взяли под свой контроль разрозненные сепаратистские группировки Донецка.

Заключение: основные внутренние причины конфликта

Вооруженный конфликт на Донбассе стал результатом сложного взаимодействия переменных на двух уровнях – структурном и индивидуально-групповом. Монокаузальные объяснения, которые указывают на Россию как на единственную виновницу конфликта, игнорируют эти крайне важные внутренние причины повстанческого движения на Донбассе. В число таких причин входят структурные переменные, связанные с динамикой государства и режима, а также массовый эмоциональный фон, основанный на возмущении и страхе. В отсутствие внутренних условий, благоприятствующих зарождению вооруженного сепаратизма, внешние стимулы не смогли бы привести к возникновению жизнеспособного и широкомасштабного повстанческого движения. Те, кто возглавил это движение, всего лишь воспользовались страхом населения перед нарастающей анархией в Киеве и прибегли к уже давно оформленным идеям и лозунгам, чтобы поддержать его динамику. Это не снимает ответственности за последовавшие ужасы войны ни с повстанцев, ни с властей Украины и России. Но, как показал данный анализ, попытки

¹⁴ Губарев утверждает, что Ахметов даже пытался подкупить некоторых активистов, чтобы обуздать движение за отделение от Украины, но ему это не удалось. Интервью с Павлом Губаревым, *Российская газета*, 12 мая 2014 г. <http://www.rg.ru/2014/05/12/gubarev.html>

подавить повстанческое движение исключительно силой, без устранения глубинных внутренних причин этого движения, не смогут сделать Донбасс менее конфликтным и взрывоопасным регионом Украины.

Elliott School of International Affairs

THE GEORGE WASHINGTON UNIVERSITY

PONARS ● NEW APPROACHES
E U R A S I A ● TO RESEARCH AND
● SECURITY IN EURASIA

© PONARS Eurasia 2012. Данный текст основан на аналитической записке на английском языке с тем же номером. ПОНАРС Евразия представляет собой международную сеть ученых, разрабатывающих новые подходы к изучению проблем внутренней и внешней политики, безопасности и сотрудничества в России и Евразии. ПОНАРС Евразия базируется в [Институте исследований Европы, России и Евразии \(IERES\)](#) Школы международных отношений им. Эллиотта Университета Джорджа Вашингтона. Публикация осуществлена при поддержке грантов Корпорации Карнеги в Нью-Йорке и Фонда Джона Д. и Кэтрин Макартуров. www.ponarseurasia.org